

Екатерина Басманова

ТРАНСПОКОЙНИЕ:
ИЗ КРУГОВ АДА В РАЙСКИЕ КУЩИ

Репортаж ВСС

Кунцевское кладбище, под серым московским небом частые могилы с высокими оградками — кажется, даже после смерти москвичам не избежать тесноты. Вместе с Арсением с трудом, по тесной тропке пробираемся к свежему захоронению. Кунцевское — кладбище старое и дорогое, свежую могилу здесь увидишь нечасто.

«Когда я объявил на своем канале сбор, то даже не ожидал такого количества донатов, — с воодушевлением говорит Арсений. — Рассчитывал на место в колумбарии, а хватило на целую могилу!»

В нескольких секторах отсюда находится семейное захоронение, где покоятся дед Арсения и любимая бабушка. Однако родители не позволили сыну разместить его собственное надгробие там.

Когда Арсений совершил каминг-аут, родители не приняли его перехода.

«Они упрямо продолжают считать меня живым и не хотят ничего слушать», — жалуется он, стоя над черным гранитным памятником со своим именем, датами рождения и смерти.

17 февраля — Арсений хорошо помнит тот день, когда объявил себя транспокойным:

«Я проснулся утром, небо было тусклым, как всегда, шел мелкий снег, и понял, что умер, что мой жизненный путь завершен и миру придется принять меня таким».

С того самого дня Арсений подобно тысячам людей по всему миру идентифицирует себя как транспокойный. Однако если в Западной Европе или США рады новопреставленным, то в России дела обстоят иначе.

«В то утро, поняв, что мертвый не смогу пойти на работу, как человек ответственный я позвонил в офис и сообщил о своей кон-

чине — но мне не поверили! Более того, дни моего отсутствия за считали как прогулы и угрожали увольнением, если я не появлюсь на рабочем месте. К концу недели мне даже позвонил генеральный директор. Пытался убедить меня, что я жив, но у меня стресс или профессиональное выгорание, советовал своего психолога».

Непонимание — частая проблема, с которой сталкиваются транспоккойные в Восточной Европе. Общество отказывается признавать их такими, какие они есть, — мертвыми — и нередко стигматизирует как психически больных.

«В медицине сформировалось совершенно четкое представление о смерти, — рассказывает нам Виталий Лисицын, доктор медицинских наук, профессор кафедры танатологии Первого медицинского университета. — Существует клиническая смерть, а также биологическая. Последняя характеризуется смертью головного мозга и необратимыми изменениями в тканях организма. Что же до людей, объявляющих себя мертвыми, не пережив биологическую смерть, то это, вероятно, тоже по части медицины, но только не танатологии — вопросами бредового расстройства психики занимается психиатрия». Действительно, синдром «живого трупа» в российском классификаторе заболеваний все еще отнесен к категории психических расстройств, в то время как в Европе и США он давно исключен из классификаторов.

«Объявив себя мертвым в России, ты попадаешь в ад», — горько замечает Арсений. Мы в Беляево — спальном районе Москвы, где он снимает скромную квартиру в панельной многоэтажке. Из-за конфликта с родителями ему пришлось съехать из их дома и искать съемное жилье. «Как только собственники узнавали, что я мертвый, они просто отказывались мне сдавать, — сетует Арсений на дискриминацию, с которой пришлось столкнуться. — В конце концов я вынужден был соврать, что жив, просто чтобы не остаться без крыши над головой». Желая сэкономить, Арсений пытался найти руммейта для совместной аренды, однако тщетно — никто не согласился делить квартиру с человеком нетрадиционной идентичности. «На самом деле я знаю еще несколько транспоккойных в Москве, — признается Арсений, — но они боятся публично заявлять о себе, скрывают свой статус, потому что транспоккойный в этой стране бесправен и не может чувствовать себя в безопасности».

Восемь тридцать утра. Солнечное утро в Амстердаме — от прошедшего ночью дождика не осталось и следа. Александра Медник садится на велосипед, чтобы ехать в штаб-квартиру Центра помощи транспоккойным Евросоюза. Александра — волонтер Центра, аспирант кафедры трансмортальных исследований Амстердамского свободного университета и транспоккойная.

«В нашем центре мы принимаем не только граждан Евросоюза, но и транспоккойных, прибывших из Восточной Европы, Азии и Африки. В большинстве случаев транспоккойные-мигранты просят политического убежища, поскольку в своих странах подвергаются дискриминации и, бывает, даже угрозам физической расправы, — рассказывает Александра. — Задача центра — всесторонняя помощь новопреставленным. Мы разъясняем транспоккойным их права, помогаем с документами; если требуется — решаем вопросы с жильем: первично это комфортабельное общежитие, затем новопреставленному может быть предоставлена отдельная квартира».

Поскольку вынуждать работать мертвых неэтично, в Евросоюзе транспоккойные обычно не трудоустроены — им выплачивается ежемесячное пособие по временному пребыванию на этом свете. Тем не менее, есть те, кто и после смерти не утратил вкуса к труду — большинство из них, как и Александра, заняты волонтерством.

«Я сказала себе: я умерла, но это не страшно — я еще многое могу сделать для окружающих меня людей, для развития международного движения транспоккойных, — говорит Александра. — Я могу держать новопреставленных за руку, когда они входят в этот новый, прежде неизвестный им мир посмертия. Я могу рассказывать еще живым людям о транспоккойных, чтобы общество окончательно избавилось от старых предрассудков.

Долгое время считалось: чтобы ты умер, у тебя должно остановиться сердце, но теперь мы знаем, это не так. Мы знаем, есть люди, мертвые с бьющимся сердцем. Если вы проведете традиционное медицинское обследование такого человека, то не найдете отличий между ним и живым. Тем не менее отличие есть — это выбор, который сделал человек, выбор в пользу смерти — пускай физический конец наступит не сегодня, и не завтра, а даже лет че-

рез пятьдесят. Люди не заложники своей физиологии. Общество не в праве отказывать человеку в признании его мертвым, если он ощущает себя таковым. Общество не вправе требовать от покойного предъявить свой собственный труп — это просто неэтично.

Никто не может решать за другого человека, жив он или мертв. Мы привыкли относиться к смерти как к неоспоримому факту, но это не так. Смерть не более чем социальный конструкт, поэтому правильно разделять физическую и социальную смерть — они могут совпадать у одного человека, и не совпадать у другого.

Не правы те, кто заявляет, что социальная смерть — это новое и оттого не вызывающее доверия явление, ведь мы можем найти ее примеры в традиционных культурах. Например, на Сицилии, человек, изгнанный из родовой общины за какой-либо серьезный проступок, может быть объявлен мертвым. Родственники даже имеют право поставить памятник на кладбище такому покойному, и это место для всех будет считаться его могилой.

Но если в традиционных культурах социальная или гражданская смерть была связана с трагедией изгнания, то в наши дни все иначе. Современные люди не видят ничего постыдного в социальной смерти, которая является не чем иным, как свободным выбором, и не влечет для новопреставленного поражения в гражданских правах. Напротив, такой человек требует большей защиты со стороны общества и государства, как и к другим меньшинствам к нему должны применяться меры позитивной дискриминации.

Сегодня транспокойные имеют возможность не просто пережить свою смерть субъективно, внутри себя, но и сообщить о ней миру. Для этих целей энтузиастами движения создан сайт trans-death.com, на котором пользователи объявляют о своих смертях, а также собирают донаты на похороны и посмертные траты».

У Арсения тоже есть страница на trans-death.com, благодаря которой ему и удалось собрать денег на свое погребение. Однако с недавнего времени доступа к своей странице Арсений не имеет, потому что сайт заблокирован Роскомнадзором.

Российские власти видят угрозу в международном движении транспоккойных. Россия так и не присоединилась к Брюссельской хартии свободной смерти, которую подписало уже более пятидесяти стран. Проблема транспоккойных в России замалчивается, отрицается. «В нашей республике нет транспоккойных», — заявил на днях глава одного из регионов Северного Кавказа.

Однако если бы транспоккойных в России не существовало в принципе, то не потребовались и те законодательные инициативы, с которыми сейчас выступает группа депутатов Государственной Думы. Говорит Мирон Горохин, депутат: «Вот эти вот живые мертвецы, транспоккойники — их же никогда не было в России, это не наши традиции. Это западное что-то, у них там восстание зомби, Хеллоуин. В этой Америке совсем с ума посходили, но мы здесь у себя такого не допустим. Нужно принять специальный закон, который запретил бы все это. Защитить наших детей от тлетворного запаха западной мертвечины. Потому что от игры в смерть до самой смерти один шаг, все это транспоккойничество — просто склонение к суициду. Куда это годится: сегодня ты как бы умер, а завтра что, умер насовсем?»

Казалось, что традиция монашества, понимаемого как смерть в миру, могла бы склонить православную церковь к поддержке движения транспоккойных, но этого не произошло. Говорит отец Дмитрий, иерей: «Только Бог решает, кому жить, а кому умереть. Бог определяет час смерти всякого человека, но не человек сам. Под видом транспоккойничества мы имеем дело с явлением греховным. И что означает заявление таких людей: “Я умер”. Для кого ты умер? Для своих родных, для близких, для друзей? И для чего ты умер — может быть, чтобы избежать ответственности, не исполнять обязанностей своих перед ближними? Нет, так дело не пойдет: человеку должно нести крест его сколько отмерено, а не впадать в бесовское скоморошество. А то, “я умер”. Где ж ты умер, мил человек? Ты вон в пост котлету съел и кефиром запил».

Лишившись возможности собирать донаты через интернет, Арсений для поддержания своего посмертного существования вынужден был устроиться на работу.

Он работает в салоне сотовой связи, и несколько раз в неделю, с десяти утра до десяти вечера вынужден, надев на себя ярко-желтую футболку, улыбаться посетителям, бодро рассказывая о достоинствах новых моделей смартфонов.

«Моя работа заключается в том, что я притворяюсь живым, — вот что страшно, — жалуется Арсений. — Я совсем теряю себя в такие минуты, забываю, кто я есть. Это невыносимо, невозможно. Те, кто говорят, что после смерти нет страданий, ошибаются. Правда в том, что до твоей смерти здесь никому нет дела, — люди просто не замечают, что ты умер, и все».

Расстроенный Арсений выходит на крыльцо магазина и закуривает — капля никотина уже не может его убить.

«Слышал, что в Европе транспокойные могут и не работать — они получают специальное пособие, — добавляет Арсений. — У нас такого нет. В России и после смерти будешь впахивать».

Посреди рабочей смены Арсению звонят из банка с напоминанием о просроченном платеже по кредиту. «Я брал кредит на игровой ноутбук, когда еще был жив, но после моей смерти они не списали долг и продолжают названивать. Я пытался им объяснить, что уже мертв, но они не верят, потому что по всем официальным базам я числюсь живым. Государство не признает меня умершим».

В надежде как-то разрешить возникшую юридическую коллизию, мы с Арсением идем в МФЦ. Арсений надеется, что сможет получить там свидетельство о смерти, которое легализует его как транспокойного.

К концу дня в МФЦ многолюдно — каждый посетитель пришел сюда со своей проблемой. Однако электронная очередь движется, и вскоре номер Арсения высвечивается на табло:

— Девушка, я хотел бы оформить свидетельство о смерти, — говорит Арсений, подойдя к окошку.

— Прошу ваш паспорт, а также медицинскую справку на умершего.

Арсений протягивает паспорт, но вот справки у него нет.

— Вам необходимо получить справку в медицинском учреждении, — разъясняет ему сотрудница. — Как имя умершего? Как? У вас что, имена с ним одинаковые? — недоумевает она. — Как это справка нужна для вас? Что значит, умерли? Я же вижу... Не морочьте мне голову, молодой человек! Что еще за транспокойник?

— Транспокойный, правильно говорить «транспокойный», — поправляет ее Арсений, но сотрудники МФЦ не обучены танатотолерантности.

Время Арсения вышло, ему отказано в услуге, место у окошка занимает обладатель следующего талона.

Волонтерская работа Александры не ограничивается стенами офиса — в середине дня она отправляется на улицу, чтобы в многолюдном месте возле торгового центра проводить свою просветительскую работу.

В руках у Александры агитационные листовки и маленькие флажки движения транспокойных: на черном фоне петля, цветущая маргаритками.

«Черный фон нашего флага означает смерть, петля — добровольность выбора, — объясняет Александра. — Однако выбор транспокойного не суицидален. Транспокойный выбирает не небытие, а посмертие — и в знак радости об этом петля цветет маргаритками».

После обеда новая миссия — Александра отправляется в школу, чтобы рассказать о транспокойных подрастающему поколению.

«На уроках танатотолерантности я рассказываю детям о том, что такое смерть, кто такие транспокойные и почему не следует бояться их. Я стараюсь ни в коем случае не напугать детей, но сделать рассказ запоминающимся и интересным».

Например, на сегодняшнее занятие Александра принесла Санта Муэрте — мексиканские куклы смерти, чтобы поведать о традиции празднования Дня мертвых в Латинской Америке. «Первое ноября отмечается теперь и нами как праздник движения транспокойных, — говорит Александра, — в этот день мы обычно проводим свои праздничные шествия». Детям нравятся принесенные Александрой куклы и ее рассказ.

Следующая часть урока практическая: Александра предлагает школьникам склеить из картона небольшой гроб. Она помогает им начертить и вырезать детали. Десятилетний Ахмет скрепляет кон-

цы деталей скотчем, а маленькая Берта украшает получившуюся крышку бумажными сердечками и розовыми лентами.

«Смерть не должна выглядеть страшной», — поясняет Александра.

«Когда я вырасту, то хочу умереть и стать транспоккойной», — признается Берта, довольная проделанной работой.

Перенесемся теперь обратно на Кунцевское кладбище. Под пасмурным московским небом здесь сегодня шумно: работа отбойного молотка нарушает приличествующий этому месту покой.

Вчера рабочие уже демонтировали несколько надгробий лиц, в отношении которых установлено, что они не являются умершими, — так в распоряжении о демонтаже, подписанном мэром города, именуются транспоккойные. Власти избегают употреблять данное слово в официальных документах и государственных СМИ.

Сегодня очередь дошла и до могилы Арсения. На наших глазах рабочие сносят его памятник, в то время как несколько полицейских наблюдают за их работой.

Но Арсения здесь нет — мы встречаем его у выхода из консульства Голландии.

— Мне позвонили и сказали, что только что снесли мое надгробие, — с болью в голосе произносит Арсений, — люди, которые это сделали, не кто иные, как осквернители могил! Они не уважают чужие чувства, не уважают чужую смерть! Но знаете, это уже не важно... не важно, потому что больше я здесь не останусь. Сегодня мне одобрили политическое убежище в Евросоюзе, и я собираюсь как можно скорее уехать из России — места, где вам не дадут спокойно умереть. Моей могилы в этой стране больше не будет. Пожелаете мне удачи на новом месте, да?

— Покойся с миром, — отвечаем мы Арсению так, как принято говорить транспоккойным.

Будем надеяться, в Европе его ждет лучшая смерть.

